

N

Vladimir Nabokov
Lectures on Don Quixote

Владимир Набоков
Лекции о «Дон Кихоте»

издательство аст
Москва

УДК 821.134.2.09

ББК 83.3(4Исп)

Н14

Published by arrangement with MARINER BOOKS, an imprint of HARPERCOLLINS PUBLISHERS

Перевод с английского А. Бабикова, И. Бернштейн, М. Дадяна,
Г. Дашевского, Н. Кротовской (переводы И. Бернштейн, Г. Дашевского,
Н. Кротовской под редакцией М. Дадяна и А. Бабикова)

Художественное оформление и макет Дмитрия Черногаева

Набоков, Владимир Владимирович.

Н14 Лекции о «Дон Кихоте» / Владимир Набоков. — Москва : Издательство АСТ :
CORPUS, 2026. — 384 с. — (Набоковский корпус).

ISBN 978-5-17-166259-2

Третий том знаменитых американских лекций Владимира Набокова по литературе составил курс, посвященный «Дон Кихоту» Сервантеса и прочитанный в Гарвардском университете в 1951–1952 годах. Подготовкой этого курса Набоков занимался с особой тщательностью — не только потому, что был приглашен в самый престижный американский университет, но и в силу сложившегося у него представления об этой книге, — представления, которое можно назвать взрывной смесью восхищения и неприятия. Тем интереснее читать его подробный разбор романа, захватывающие экскурсы в историю литературы, обращения к популярной культуре и следить за тем, как подхватываются и развиваются мысли и суждения об искусстве, обществе, этике и писательском ремесле, изложенные в двух предыдущих томах.

Настоящее издание воспроизводит полный состав отобранных Ф. Боуэрсом по архивным материалам иллюстраций и рисунков Набокова, сопровождается предисловием Гая Дэвенпорта, примечаниями и комментариями редактора. Переводы заново сверены с оригиналом, часть лекций публикуется в новых переводах.

УДК 821.134.2.09

ББК 83.3(4Исп)

ISBN 978-5-17-166259-2

Copyright © 1983 by the Estate of Vladimir Nabokov

Editor's Preface and Foreword copyright © 1983 by Harcourt Brace Jovanovich, Inc.

All rights reserved

© А. Бабилов, перевод на русский язык, заметка, примечания и комментарии, 2026

© И. Бернштейн (наследник), перевод на русский язык, 2017

© М. Дадян, перевод на русский язык, 2002

© Г. Дашевский (наследники), перевод на русский язык, 2017

© Н. Кротовская, перевод на русский язык, 2002

© Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>От редактора настоящего издания</i>	7
<i>Фредсон Боуэрс. Предисловие редактора</i>	15
<i>Перевод А. Бабикова</i>	
<i>Гай Дэвенпорт. Предисловие</i>	23
<i>Перевод М. Дадяна</i>	
<i>Вступление</i>	35
<i>Перевод А. Бабикова</i>	
<i>Два портрета: Дон Кихот и Санчо Панса</i>	53
<i>Перевод Г. Дашевского</i>	
<i>Композиция</i>	72
<i>Перевод Г. Дашевского, Н. Кротовской</i>	
<i>Жестокость и мистификация</i>	107
<i>Перевод Н. Кротовской</i>	
<i>Тема летописцев, Дульсинея, смерть</i>	144
<i>Перевод Н. Кротовской</i>	
<i>Победы и поражения</i>	165
<i>Перевод Н. Кротовской</i>	

Повествование и комментарий. Часть первая (1605)	199
<i>Перевод Н. Кротовской</i>	
Повествование и комментарий. Часть вторая (1615)	267
<i>Перевод Н. Кротовской</i>	
<i>Комментарии</i>	355
<i>Приложение. Отрывки из рыцарских романов</i>	371
<i>Перевод И. Бернштейн, М. Дадына (при участии А. Бабикова)</i>	

От редактора настоящего издания

Третий том университетских лекций Владимира Набокова, прочитанных в Гарварде в весеннем семестре 1951/52 г. и тридцать лет спустя подготовленных к изданию американским библиографом и текстологом Ф. Т. Боуэрсом, целиком посвящен «Дон Кихоту» (1605, вторая часть — 1615) Мигеля де Сервантеса (1547–1616).

Как и в случае лекций по русской и европейской литературе, к обдумыванию романа Сервантеса и его критическому пересмотру Набоков приступил задолго до начала собственно подготовки лекционного курса, и совсем в иных целях. В конце 1940 г., вскоре после переезда в США, он получил от известного актера и режиссера Михаила Чехова (1891–1955), с 1939 г. жившего в Америке, предложение написать пьесу по «Дон Кихоту». Набоков согласился и в марте 1941 г. посетил Чехова в Риджфилде (Коннектикут), где находился его театр-студия, для обсуждения трактовки романа и составления плана инсценировки. Из подробного письма М. А. Чехова к Набокову от 12 декабря 1940 г. следует, что обсуждения начались еще в конце 1940 г. и продолжались весной следующего года. Хотя Набоков, по-видимому, спорил со своим заказчиком («Меня поместили в dormitorio, и я трое суток жил с актерами и актрисами, т. е. обитал, а по вечерам работал с Дон-Кихотом над Михаилом Чеховым, т. е. наоборот, но он неумолим в своих пожеланиях касательно христианского или, вернее, антропософского апофеоза», — писал он гарвардскому профессору истории Михаилу Карповичу

5 апреля 1941 г.¹⁾), в подходе двух выдающихся художников к интерпретации замысла романа оказалось немало общего. Более того, некоторые акценты Чехова, сделанные в приводящихся ниже отрывках из его письма (к примеру, относительно бесчеловечных нравов той эпохи, образа жестокой герцогини, удивительных изменений в характере Санчо и влияния двух героев друг на друга, и особенно по части сопоставлений Кихота с Христом — светлое присутствие Третьего, как об этом говорит Чехов), почти без изменений повторяются затем в лекционных замечаниях Набокова.

Отвечаю на Ваши вопросы:

1. <...> Максимум главных ролей таков: Кихот. Санчо. Графиня (люциферически прекрасная, но злая героиня²⁾). Племянница (для молодой актрисы с душевным содержанием и глубиной). Негативный персонаж мужского рода (контрдействие Кихоту, антихристианское начало в пьесе). Дульцинея (простая, здоровая, очаровательная девушка, даже девка, деревенская, пышущая, веселая, радостная, смешная и пр.). <...>
2. Насчет краткой записи плана: я не очень понимаю, что Вы имеете в виду — мою собственную пьесу, о которой я Вам вскользь говорил, или план, который я предлагал как исходную точку для Вашей пьесы. Поэтому я повторю кратко все, а Вы сами решите, что то и что не то. Основная атмосфера, фон, на котором разыгрываются события пьесы: напряженное, беспокойное, трагичное, даже, пожалуй, хаотичное состояние, в котором живут люди. Чувствуется: нужна помощь, сострада-

- 1 *Набоков В.* Переписка с М. М. Карповичем (1933–1959) / Предисл., состав., примеч., пер. с англ. А. А. Бабинова (Библиотека «Литературного наследства». Новая серия. Вып. 2). М.: Литературный факт, 2018. С. 74. В том же духе Набоков, отметив все же гениальность М. А. Чехова, 31 марта 1941 г. написал жене: «Вечером часа четыре беседовал с Чеховым о Дон-Кихоте, ему очень понравилась моя штука, и изменения, которых он хочет, просты и, в общем, в тон. Но это будет, конечно, не моя вещь. Христианские просветления и т.д. Сегодня вечером будем опять работать» (*Набоков В.* Письма к Вере / Вступ. ст. Б. Бойда, коммент. Б. Бойда и О. Ворониной. М.: АСТ: Corpus, 2024. С. 387–388).
- 2 М. А. Чехов имеет в виду герцогиню, которую Набоков в лекциях прямо называет дьяволицей.

ние, нужны человеческие чувства. Инквизиция, войны, бессердечие дошли до предела. Болезни, эпидемии, большая смертность. Кихот ложно понял свою миссию, и вместо того, чтобы помочь тем, кто на земле, — вознестся и над землей, и над всеми ее обитателями. В конце пьесы Кихот спустился на землю, поняв ее нужды через свои собственные страдания и ошибки. Санчо совершает обратный путь — от слишком земного к земно-духовному. Оба героя в своих конфликтах невольно учат друг друга истине. Оба в конце приходят ко Христу, но не в церковном смысле, а в смысле конкретного переживания Христа как друга, как старшего брата. Говорили мы с Вами об Иезуитах, преследующих свои цели, как матерьяльные, так и духовные (может быть, деньги Кихота и его слишком большое свободомыслие). Говорили мы также о сложной сети шпионажа в среде иезуитов: не разберешь, кто начальник и кто подчиненный, графиня оказывается чуть ли не рабой того, кого мы принимали за последнюю и незначительную сошку и т.д.¹ Ловя Кихота и влияя на него душевно и физически, иезуиты, сами того не подозревая, толкают его на истинный путь — так они вплетаются в идеологический рисунок пьесы. Центральным событием и поворотным пунктом пьесы может, как мне кажется, быть сцена у графини. Там измышления врагов Кихота достигают апогея, там же душа Кихота начинает просветляться, там же Санчо губернаторствует и тоже начинает прозревать правду по-своему. Отсюда пьеса быстро несется к концу: все темное превращается в свет, радость, и главное, выступает конкретно, хотя и невидимо, Третий между Кихотом и Санчо (Христос, которому можно протянуть руку). Общий мрачный и хаотичный фон также меняется, превращаясь в конце в свою противоположность... <...>

Сцены, которые хотелось бы иметь в пьесе:

Отъезд Кихота и Санчо ночью, тайно и странно². Посвящение Кихота в рыцари в трактире. Издевательства, клоунада, проститутки, погонщики, хозяин трактира, мистицизм наизнанку. Кихот горит, душа его пылает искренним желанием добра, любо-

1 К этому месту Набоков сделал пометку: NB.

2 Набоков ставил пометки на полях: порядок и число сцен в пьесе. Против этого предложения он указал: I.

вью, жадной самопожертвования и служения и пр. и пр.¹. Затем сцена с освобождением каторжан, где вместо благодарности Кихот встречает животную жажду свободы, грубейший эгоизм, отвратительный инстинкт жизни². Затем — кукольный театр, где Кихот видит себя самого, но, может быть, еще не узнает и не понимает значения увиденного³. А может быть, и понимает — это будет зависеть от того, в какое место пьесы Вы вставите эту сцену. Если — у Графини, то, может быть, она может служить переломом кихотовской психологии. Хорошо бы иметь сцену на улице, где над Кихотом издевается толпа в то время, когда он уже почти прозрел. Хочется видеть Кихота, пробегающего в своем воображении всю свою жизнь в *обратном* порядке. (Мож. быть, монолог, а лучше, пожалуй, диалог, а еще лучше — Кихот и толпа!⁴) Дульцинея, которая в начале, может быть, дала ему даже пощечину, неверно истолковав его к ней стремление, — теперь первая понимает его и как-то (по-СИРИНСКИ)⁵ сливается с образом Третьего. Говорили мы с Вами также и о необходимости иметь постоянно насыщенные атмосферы (настроения). Говорили также и о том, как одни лица странным образом напоминают других и как бы всё снова и снова предстают перед Кихотом, хотя на самом деле они и другие⁶. Это я считаю очень важным. <...> Помнится, говорили мы и о том, что пьеса должна быть смешная и занятная. Идейная сторона должна быть *угадана* публикой. По-немецки это можно выразить словом: *цвейшихтигкейт*⁷. Я бы не побоялся смешать и переплести хороший, настоящий, глубокий мистицизм с юмором: юмор сверху, а мистика — андернис⁸. <...>

з. Насчет лица, которое появляется изредка, как бы руководя действием, я хотя и не знаю его, но от всей души приветствую. Чую, что в нем есть и странность, и театральность.

1 От слова «Посвящение» и до этого места пометка: II.

2 От слова «Затем» и до этого места пометка: III. Ниже Набоков пометил: IV Duchess (т. е. добавить сцену с Герцогиней).

3 От слов «себя самого» и до этого места пометка: V.

4 От слов «Хорошо бы» и до этого места пометка: VI.

5 От слова «Дульцинея» и до этого места пометка: III or VII (т. е. дать этот эпизод в третьей или седьмой сцене).

6 От слова «Говорили» и до этого места пометка: NB.

7 *Zweischichtigkeit* — двухслойность.

8 *Underneath* (англ.) — внизу.

4. О том, как Кихот видит людей и предметы, я могу сказать только, что это целиком и вполне в том плане, который мне кажется правильным, и по стилю, и по эффекту, и с точки зрения основной идеи хороший прием.

5. Насчет ритмов и того, что по интонациям человека, говорящего в соседней комнате по телефону, можно узнать, с кем он говорит, — я уже в восторге! Приезжайте скорей! <...>

Искренне Ваш

М. Чехов¹

Поскольку из письма Набокова к жене и письма к нему директора чеховского театра-студии Е. Сомова следует, что он приступил к этой работе и, по-видимому, составил развернутый план инсценировки (или изложение пьесы), мы можем с уверенностью сказать, что он тогда же перечитал роман. У нас, однако, нет сведений о том, в каком переводе он его читал, в русском или английском, и обращался ли к трудам сервантесоведов, как десять лет спустя, когда ему пришлось для гарвардского курса познакомиться с интерпретациями и комментариями Белла, Кратча, Мадариаги и других исследователей, полемически или одобрительно процитированных в лекциях.

Подготовкой этого курса Набоков занимался с особой тщательностью — не только потому, что был приглашен в самый престижный американский университет, но и в силу сложившегося у него собственного представления об этой книге, идущего вразрез с академической традицией, — представления, которое можно назвать взрывной смесью восхищения и неприятия. Тем интереснее читать его подробный разбор «Дон Кихота», захватывающие экскурсы в историю литературы, обращения к популярной культуре и следить за тем, как подхватываются и развиваются мысли и суждения об искусстве, обществе, этике и писательском ремесле, изложенные им в двух предшествующих курсах, посвященных русской и европейской литературе. С другой стороны, этот том, полностью отданный «Дон Кихоту», можно рассматривать как своего рода введение ко всему кор-

1 Полный текст письма опубликован нами в издании: *Набоков В. Переписка с М. М. Карповичем (1933–1959)*. С. 75–79.

пусу набоковских лекционных материалов, — не только потому, что Сервантес предшествует всем другим писателям, избранным Набоковым для лекций по русской и европейской литературе (Дж. Остин, Ч. Диккенсу, Н. Гоголю и проч.), но и по той причине, что «Дон Кихот» в известном смысле является предтечей современного романа, и Набоков не упускает возможности указать на использование тех же приемов или на те же особенности у русских и европейских писателей XVIII–XIX вв. («Любовь Сервантеса к природе типична для так называемого итальянского Ренессанса в литературе — перед нами одомашненный мир неизменных ручьев, вечнозеленых лугов и приветливых лесов <...>. Этот мир останется с нами на протяжении всего XVIII века; в Англии вы найдете его у Джейн Остин»; «Сервантес, похоже, знал Испанию так же плохо, как Гоголь Центральную Россию»; «Отметим, что Сервантес прибегает здесь к испытанному приему “острова”, когда персонажи собираются вместе в некоем ограниченном пространстве — на острове, в отеле, на корабле, в самолете, загородном доме, железнодорожном вагоне. В сущности, тот же прием использует Достоевский в своих совершенно безответственных и несколько старомодных романах...»).

Пятнадцать лет спустя, в интервью 1967 г., уже оставивший преподавание Набоков рассказал о том, что обдумывает книгу эссе, каждое страниц на двадцать, с разбором нескольких произведений, среди которых «Улисс» Джойса, «Госпожа Бовари» Флобера, «Превращение» Кафки и «Дон Кихот» Сервантеса. Материалом для этих эссе, по его замыслу, так и не получившему воплощения, должны были стать пересмотренные корнеллские и гарвардские лекции. Относительно «Дон Кихота» Набоков прибавил, что с удовольствием вспоминает, как «разнес эту жестокую и неотделанную старую книгу перед шестьюстами студентами в Мемориальном зале, к ужасу и замешательству некоторых из моих более консервативных коллег»¹.

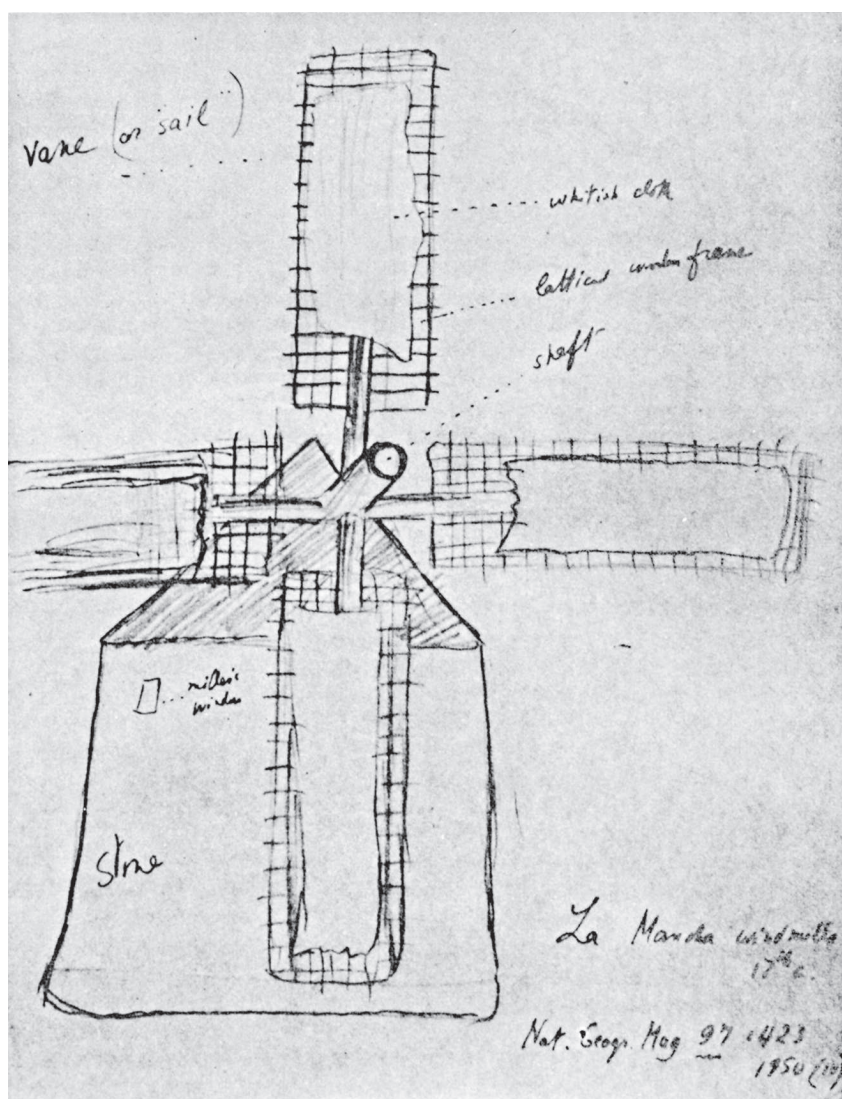
Действительно, в этих лекциях читатель не найдет привычного благодушного освещения классического произведения мировой литературы. Набоков не обходит стороной авторскую небрежность, грубость, повторы, трафаретные приемы и варвар-

1 Nabokov V. Strong Opinions. N. Y., 1990. P. 103. (Пер. мой. — А. Б.)

скую жестокость, призванную вызвать «безудержные припадки смеха». Со всем тем автор «Приглашения на казнь» не только разнес старый роман, но по-своему и *превознес* мастерство Сервантеса, сравнив его с Шекспиром, а его Рыцаря Печального Образа — с королем Лиром, и привел многочисленные примеры высокого искусства и поэзии книги.

В настоящем издании восстановлены пропуски и купюры переводов, сверены и исправлены цитаты, воспроизведен полный состав отобранных Ф. Боуэрсом по архивным материалам иллюстраций и рисунков Набокова. Издание сопровождается предисловием и примечаниями Ф. Боуэrsa и предисловием американского писателя, переводчика и эссеиста Г. Дэвенпорта, а также заметкой и комментариями редактора. Переводы заново сверены с оригиналом, часть лекций публикуется в новых переводах.

Перевод сверялся по изданию: *Nabokov V. Lectures on Don Quixote* / Ed. by Fredson Bowers, Introduction by Guy Davenport. New York et al.: Harcourt Brace Jovanovich, 1983.

Набоковский рисунок ветряной мельницы XVII века
с обозначением ее частей и применявшихся
при строительстве материалов

Предисловие редактора

Когда в 1940 году Владимир Набоков перебрался в Соединенные Штаты, чтобы начать в этой стране новую жизнь, он, по его собственным словам¹, привез из Европы множество лекций, которые подготовил ввиду предстоявшей ему академической карьеры². Однако публикуемую здесь серию лекций о «Дон Кихоте» Мигеля де Сервантеса Набоков написал специально для лекционного курса в Гарвардском университете, прочитанного им в качестве приглашенного профессора в весеннем семестре 1951/52 учебного года, когда ему был предоставлен отпуск с его постоянной должности профессора на факультете Корнеллского университета.

Одним из общеобразовательных курсов Гарвардского университета, открытых для студентов приблизительно пятью годами ранее, был курс «Классическая литература 1, 2» — первый семестр посвящался эпической поэзии и преподавался профессором классической филологии Джоном Х. Финли-младшим, а второй — истории романа и читался профессором Гарри Левином. Оба оказали значительное влияние на формирование общеобразовательной программы, в которой курс «Классическая литература 1, 2» стал визитной карточкой. Время от времени профес-

1 См. *Nabokov V. Strong Opinions*. N. Y.: Vintage, 1990. P. 5. (*Прим. Ф. Боуэрса.*)

2 Боуэрс имеет в виду лекции по русской литературе (см. его предисловие к тому «Лекции по русской литературе», выпущенному издательством *Corpus* в 2025 г.), которые действительно составлялись Набоковым еще в конце 30-х гг. до переезда в США. Над курсом лекций о шедеврах европейской прозы Набоков работал, уже находясь в Америке (подр. см. нашу «Заметку от редактора» в указанном издании, с. 8–11). (*Прим. пер.*)